

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Волков А.Л. Организация и состав русского вспомогательного корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в 1799 г // Genesis: исторические исследования. 2025. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.10.72429
EDN: FLQRAK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72429

Организация и состав русского вспомогательного корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в 1799 г.

Волков Алексей Леонидович

преподаватель; кафедра теории права и государственно-правовых дисциплин; Астраханский филиал
Международного юридического института
аспирант; кафедра истории; Астраханский Государственный Университет им. В. Н. Татищева
414024, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Гоголя, 3 корп.1, оф. 6

 volkov@yandex.ru



[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.10.72429

EDN:

FLQRAK

Дата направления статьи в редакцию:

22-11-2024

Аннотация: Статья посвящена одному из наименее изученных событий отечественной военной истории – англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г. данная операция является малоизученной страницей Российской военной истории. В отечественной историографии прочно утвердилось мнение, что отправленный в этот поход русский вспомогательный корпус под командованием генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена был сформирован случайным образом и имел в своём составе недостаточно обученные и подготовленные подразделения, что самым пагубным образом сказалось на исходе операции, окончившейся унизительной капитуляцией союзных англо-русских войск. Вместе с этим, сколь-нибудь расширенный анализ процесса комплектования корпуса до настоящего времени в отечественной исторической литературе к сожалению отсутствует. В этой связи автором был проанализированы архивных документов с целью изучения вопроса о способе комплектования корпуса и качества войск, входивших в его состав. В тоже время способ организации корпуса был типичен для формирования крупных воинских соединений в России конце XVIII века и определялся прежде всего территориальной близостью войск к месту посадки на суда. Кроме того, в

состав корпуса входили такие прославленные части как гренадерские полки Жеребцова (Фанагорийский) и Бенкendorфа (Таврический), мушкетерские полки Седморацкого (Белозерский) и Ферзена (Тобольский). Соединением командовали опытные генералы, имевшие большой военный опыт. Офицерский кадр полков, как и нижние чины также в основном участвовали в нескольких победоносных компаниях. Сосредоточение войск корпуса происходило в сложных условиях нехватки времени, но было осуществлено грамотно, что позволило в конечном счёте достаточно оперативно отправить войска к месту ведения боевых действий.

Ключевые слова:

экспедиция в Голландию, антифранцузская коалиция, Павел I, генерал Герман, Ревель, адмирал Чичагов, генерал Эссен, Фанагорийский, Павловский, Аракчеев

Союзная англо-русская экспедиция в Голландию до настоящего времени остаётся в отечественной исторической науке темой малоизученной.

Наиболее полным исследованием, как по широте охвата проблемы, так и по источниковой базе, посвящённым участию русских войск в Голландской экспедиции 1799 г. является капитальный труд Д. А. Миллютина «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году», ставший основой для всех остальных исследований по данной экспедиции вплоть до настоящего времени. Так Н.С. Голицын в своём труде «Всеобщая военная история новейших времен. Часть 2. Войны 1-й французской революции и республики. 1792-1801гг.» в разделе «Экспедиция в Голландию» описывает битву при Алкмаре и Кастикуме практически идентично материалам Миллютина.

В советское время изучение Голландской экспедиции историками не производилось. К примеру, в книге Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки)» экспедиция фактически вычеркнута, упоминается всего одной фразой.

В 1996 г. в журнале «Родина» была опубликована статья доктора исторических наук А.А. Егорова «Конфуз союзного войска: Секретная экспедиция русских к голландским берегам», в которой автор, привлекая ранее не публиковавшиеся материалы различных архивов нарисовал картину «плохо сколоченной и скверно экипированной» экспедиции. Несколько ранее, в 1992-1994 гг. в России был издан труд русского эмигранта – историка А.А. Керновского «История русской армии» (написана в 30-х годах XX века), в первом томе которого экспедиции уделяется всего две страницы с выводами, аналогичными работе Егорова.

Уже в XXI веке интерес к Голландской экспедиции со стороны российского научного сообщества был проявлен в рамках реализованного в 2012-2015 гг. на Историческом факультете Санкт-Петербургского университета исследовательского проекта «Голландская экспедиция русской армии 1799 г. в контексте коалиционных войн конца XVIII - начала XIX в.: Исторический аспект». Общее руководство проектом осуществлял д.и.н., доцент К.Б. Назаренко.

Работы д.и.н. К.Б. Назаренко, к.и.н. М.А. Смирновой, к.и.н. Н.Г. Рогулина, вышедшие в рамках реализации проекта по своей системности, широте рассмотренных в них вопросов, заложили основу для дальнейшей разработки современного взгляда на подготовку и проведение Голландской экспедиции, взаимодействие участников

антифранцузской коалиции, стратегию и тактику русской армии и флота, задавая тем самым вектор дальнейшего изучения Голландской кампании и участия в ней русских войск. Интересны также и работы к.и.н. А.А. Куницына затрагивающие различные вопросы взаимодействию союзных стран как во время подготовки, так и, собственно, при проведении кампании, равно как и подробное рассмотрение названным автором вопросов медицинского обеспечения русского корпуса в ходе всего похода.

В тоже время, многие аспекты участия русской армии в данной союзнической операции нуждаются в дальнейшем исследовании, в том числе и процесс организации и подготовки русского экспедиционного корпуса к боевым действиям. Тот же Д.А. Милютин в своём труде фактически ограничивается констатацией основных этапов подготовки войск, не касаясь вопросов комплектования и, собственно говоря, способа формирования корпуса.

В данной статье нами будут рассмотрены лишь вопросы, связанные с организацией, комплектованием и составом названного воинского соединения. Мы специально не касаемся вопросов финансового обеспечения корпуса, снабжения его продовольствием, амуницией и униформой, поскольку они нуждаются в отдельном исследовании.

Участие русских войск во вторжении в Голландию стало возможно благодаря Англо-русской Конвенции, которая была подписана 11 (все даты будут даваться по ст.ст.) июня 1799 г. в Петербурге. По её условиям Россия обязалась предоставить для участия в экспедиции 17 тыс. 539 военнослужащих различных родов войск – 17 батальонов пехотинцев, 2 роты артиллеристов, роту пионеров и эскадрон гусар [1 с.431].

Кратко отметим, что британскими целями в экспедиции являлось вытеснение французов из Голландии, с целью восстановления там прежнего правительство изгнанного в 1795 г. штатгальтера Голландии принца Вильгельма V Оранского, что полностью совпадало с взглядами на цели коалиции императора Павла I.

В тоже время война 1799 г. имеет ряд особенностей, так как фактически стала для России первой коалиционной войной, в которой русская армия сражалась далеко от границ империи, действуя в интересах коалиции, в формате вспомогательных контингентов, что было непривычно для русского общества, привыкшего, что армия воюет ради видимого и понятного территориального расширения – возвращения исконных, но ранее потерянных российских земель, причём с исконными врагами – турками, поляками и шведами. В рассматриваемое же нами время русские войска отправлялись в далёкую Европу для сражения с неприятелем «на дальних подступах», что само по себе являлось правильным политически и стратегически, ибо поражение, или нахождение, к примеру Австрии или Пруссии, в стане врагов России, немедленно приводило к появлению противника у российских границ, что мы и увидим уже в период Наполеоновских войн.

Наконец участие Российской империи в данной экспедиции являлось прямым следствием тесных экономических связей Британии и России, которые при разности политических целей и задач, заставляли оба государства сотрудничать друг с другом [2 сс.352-353].

Однако вернёмся к Английскому королевству. Утрата всего европейского побережья, что стало следствием поражения Первой антифранцузской коалиции, лишило англичан базы, т.е. территории, с которой британская армия могла бы вмешиваться в европейский конфликт, что весьма затрудняло поддержание выгодного для Британии европейского баланса и стабильности внутри коалиции. Так же была необходима и демонстрация непосредственных военных усилий Англии в борьбе с республиканской Францией.

Также немаловажной причиной экспедиции являлась необходимость нейтрализации любыми способами голландского флота [2 с.353].

Оценивая усилия русской стороны по организации своего участия в экспедиции, мы должны принять во внимание несколько факторов.

Прежде всего отметим, что организация экспедиции проводилась в чрезвычайно сжатые сроки. Решение об отправке корпуса окончательно было оформлено 11 июня, а первая дивизия отправилась в поход уже 22 июля. Причиной этого, во-первых, является то обстоятельство, что время, подходящее для проведения подобных амфибийных операций стремительно истекало, а во-вторых, благоприятная для союзников военная ситуация после побед австро-русской армии Суворова в Италии не могло продолжаться бесконечно долго.

Отправка столь значительного корпуса на достаточно далёкое расстояние потребовало участия в данном мероприятии как армейских, так и флотских интендантских структур, а также дополнительного выделения денежных средств для финансирования кампании. Согласно вышеназванной Конвенции, Британия брала на себя выплату субсидий России в размере 44 тыс. фунтов стерлингов ежемесячно и единовременно 88 тыс. фунтов стерлингов «на самые неотложные расходы», отдельно оговаривалась оплата за российские корабли и их экипажи, но денег всё равно не хватало и потребовалось выделение, и, прежде всего, изыскания дополнительных финансовых средств, ранее не запланированных.

Не вдаваясь в вопросы общей стоимости экспедиции отметим, что вспомогательный корпус только по линии Комиссариатского и Провиантского департаментов в год (в расчётах на июнь 1799 г.) обходился российской казне в 607 242 руб.29 коп. и это без учёта, например, расходов на ремонт и замену амуниченых вещей [3 л.252].

Кроме того, в дело формирование корпуса внёс свою лепту, причём далеко не всегда положительную, и британский посланник - капитан 1-го ранга Р.Х. Попхем. Английский посол в России Витворт ввёл названного офицера в ближайшее окружение императора Павла I, с которым британский моряк сумел установить дружеские отношения [4 сс.56-57]. В результате предприимчивый капитан зачастую действовал как через головы русского морского и армейского начальства, так и собственно британского посла и английского дипломатического ведомства, что чрезвычайно раздражало и тех и других.

Помимо этого, русские армии уже были развернуты на границах и для сосредоточения означенных Конвенцией сил также требовалось дополнительное время, поскольку на территории прилегавший к балтийским портам имелся лишь небольшой корпус генерал-майора И.Н. Эссена, задачей которого была оборона балтийского побережья [5 л.21].

Наконец, назначенный командовать корпусом генерал-лейтенант И.И. Герман уже командовал корпусом, который должен был следовать в Европу и располагался в окрестностях Каменец-Подольска на Украине. Известие о своём новом назначении генерал получил тогда, когда корпус был в движении [6 с.126]. В результате потребовалось время на прибытие начальника к месту формирования корпуса, а также создание и функционирование штаба.

Формирование корпуса шло в несколько этапов. По состоянию на 4 июня 1799 г. в него были включены гренадерские полки Жеребцова, Бенкendorфа, мушкетерские Седморацкого, Арбенева, Ферзена, гренадерские батальоны Огарёва, Эриксона, Тимофеева, Осипова, Штрика, егерский полк Сутгофа и артиллерийские команды при

пехотных полков и батальонов, в рядах которого числилось по штату 13363 человек, на лицо 13690 человек при некомплекте в 302 человека [3 л.5].

8 июня в корпусе уже числятся 17 батальонов и «лейб-гусарского полку эскадрон полковника Дорохова, Лейб-Казачьего полку при двух обер-офицеров 20 улан казаков с лошадьми» [3 л.9].

1 июля граф Г.Х. Ливен уведомляет Вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа графа И.Ф. Ламба о включении в состав корпуса генерал-лейтенанта Германа гренадерского полка И.Ф. Эмме и батальона майора Митюшина [3 л.81]. Что должно было составить в абсолютных числах в корпусе 17 484 человека, из которых 15218 человек строевых и 2266 человек нестроевых. При этом лошадей должно было быть 5390 из них офицерских – 2541, артиллерийских – 711, подъёмных – 1923, строевых – 120 и вьючных – 95 [3 л.82].

Включение в корпус трёх новых батальонов было необходимо для доведения численности корпуса до оговоренных в Конвенции 17 593 человек. На деле получится даже несколько больше по штату.

К 10 июня состав корпуса вновь претерпел изменения. В него включили положенные по договору две артиллерийских роты полевой артиллерией из батальона генерал-майора П.М. Капцевича. Тогда же была окончательно сформирована и корпусная структура. В состав соединения вошли две дивизии: дивизия генерал-лейтенанта М.А. Жеребцова в составе двух бригад под командованием генерал-майоров И.Ф. Эмме и А.К. Седморцкого с ротой полевой артиллерией, полуэротой пионеров и полуэскадрон лейб-гусарского полка [7 л.8].

Второй дивизией командовал генерал-майор Эссен, и она состояла из бригад генерал-майоров И.И. Арбенева и И.Е. Сутгофа с полуэскадроном лейб-гусар и 50 пионеров [7 л.9].

Однако 14 июня в структуру корпуса были внесены изменения. Из дивизии генерал-майора Эссена полк Ферзена и батальон Эриксона (ещё не прибывшие к месту дислокации корпуса) были переведены в дивизию генерал-лейтенанта Жеребцова. В свою очередь полк Седморацкого переводился в дивизию Эссена [7 л.11]. Кроме того, генерал-майор Седморацкий сменил в должности командира бригады генерал-майора Сутгофа, который был переведён командиром бригады в дивизию генерал-лейтенанта Жеребцова [7 л.11].

Отметим, что в исторической литературе состав корпуса, равно как и способ его формирования подвергается резкой критике. Так А.А. Керновский указывает, что корпус «...носил чисто сборный, случайный характер, состоя в большей своей части из отдельных батальонов различных полков, главным образом гренадерских» [8 с.183]. А.А. Егоров также характеризовал корпус как «дурно сколоченный» [9 с.39].

Вместе с этим, из 20 батальонов, которые составляли корпус сводными, а точнее сводно-grenaderскими были всего 6, т.е. менее трети от всей пехоты. Остальные 7 полков отправлялись в поход в своём штатном составе.

Кроме того, скепсис историков относительно подготовки личного состава сводно-grenaderских батальонов вызывает недоумение. Прежде всего отметим, что подобные подразделения формировались в русской армии со времён Петра Великого, а в последних русско-турецких войнах сводные батальоны отличились и под Фокшанами и

под Рымником. Потому использование подобных частей для усиления пехоты была вполне устоявшаяся и проверенная войнами практика.

Сводно-grenадерские батальоны, созданные именным указом императора 13 декабря 1796 г. [10 с.6], и к моменту начала формирования корпуса являлись хорошо подготовленными и обученными частями, что они продемонстрируют в первом же сражении.

Очевидно, что наличие в корпусе 12 батальонов grenader – ударной армейской элитной пехоты существенно повышало боевые возможности соединения в полевом сражении. Например, перед битвой при Кастикуме генерал-лейтенант Эссен, командовавший тогда корпусом, сведёт три grenaderских батальона (Штрика, Огарёва и Осипова) в одну бригаду под командованием полковника А.Я. Дубянского [11 л.11]., которая прекрасно проявит себя на поле боя.

Наконец рассмотрим какие grenaderские и мушкетерские полки вошли в состав корпуса. Однако прежде отметим, что с 31 октября 1798 г. император Павел I ввёл новую систему полковых обозначений – по шефам полков. Согласившись с многочисленными исследователями, что указанное решение являлось не самым удачным, всё-таки стоит обратить внимание, что данное действие было не настолько «прусским», как принято считать.

Должность шефа полка также не являлась «изобретением» императора. Она существовала и при Екатерине II, но при новой власти она потеряла ранеественные ей черты «необременительной почётности» и приобрела вполне чёткие очертания, представляя собой ответственность конкретного генерала за обучение и состояние вверенного ему полка. Причём ответственность была персональная и сопровождалась как тяжкими наказаниями за «беспорядки» в полку, так и наградами за хорошее «устройство» полка. Впрочем, частые перестановки шефов полков вносили известную путаницу и затрудняли восприятие новых полков как у современников, так и у историков.

В этой связи, характеризуя полки, которые вошли в состав корпуса мы будем приводить название полков как они звучали в 1799 г. а в скобках их наименование в предыдущее царствование. Grenaderские полки: Жеребцова (Фанагорийский), Бенкендорфа (Таврический), Эмме (Павловский), мушкетерские: Седморацкого (Белозёрский), Арбенева (Днепровский), Ферзена (Тобольский) и егерский Сутгофа (1-й егерский).

Grenaderские батальоны: Штрика (флигель-роты grenaderских полков Бенкендорфа (Таврический) и Голицына (Санкт-Петербургский)), Эриксона (grenaderские роты полков графа Эльмпта и Вадковского (Елецкий)), Митюшина (флигель-роты grenaderского полка Эмме и grenaderские роты полка Седморацкого), Осипова (grenaderские роты полков Дохтурова (Софийский) и Эссена 1-го (Черниговский)), Тимофеева (флигель роты полков Ферзена (Тобольский) и Арбенева (Днепровский)), Огарёва (grenaderские роты мушкетерских полков Старобаденского (Козловский) и Ланжерона (Шлиссельбургский)) [12 л.4, 13 с.110, 14 с.339].

Кроме того, в состав корпуса вошли такие знаменитые полки как Фанагорийский (Жеребцова) grenaderский – полк созданный фельдмаршалом А.В. Суворовым, бравший Изmail, сражавшийся с польскими инсургентами в 1794 г. – штурмовавший Прагу, предместье Варшавы, Таврический (Бенкендорфа) grenaderский - герой штурма Очакова и Килии, кадр которых состоял из опытных солдат, прошедших не одну военную компанию. Павловский (Эмме) grenaderский полк хоть и был сформирован в 1796 году, но основой послужили батальоны Московского grenaderского полка, также имевшие

значительный боевой опыт. Например капитан Грязев из Московского полка грустно писал в своём «Журнале»: «...Словом сказать: из пятитысячного славного полка сформирован двухтысячный чудесный полк, на щёт людей, их образования (строевой и военной подготовки – прим.авт.), одежды и всякой муниции, равным образом офицеров и прочих чинов, обоза, лошадей и всего того, что составляет целостность полка.» [15 с.90]. Полк входил в состав столичного гарнизона и отличался высокой выучкой и дисциплиной.

Немалое число ветеранов имели в своих рядах и мушкетерские полки Белозерский (Седморацкого) и Днепровский (Арбенева), отличившихся в ходе Польской компании 1794 г. при поражении поляков под Щекочином, под Мацеёвицами и наконец под Варшавой, а также Тобольского (Ферзена) мушкетерского полка, также сражавшегося против поляков в 1794 г.

Егерский полк Сутгофа был сформирован, как полк, в 1797 г. на базе кадра Финляндского егерского корпуса, и прошёл всестороннюю подготовку по наставлениям и под контролем генерала от инfanterии М.И. Кутузова - инспектора Финляндской инспекции, куда входил полк.

Британский военный хирург Эдвард Уолш, участник компании, вспоминал, что многие русские солдаты имели на своих мундирах по несколько наград, которые «были знаками военных заслуг, дарованными за отличия в боях» [16 pp.46-47].

При этом решение о включения тех или иных подразделений в корпус принималось исходя из места их текущего расположения и способности относительно быстро достичь места посадки на корабли.

В отечественной историографии на данное обстоятельство первым обратил внимание к.и.н. Н.Г. Рогулин. Местом сбора корпуса в конце концов стал Ревель, при этом мушкетерские полки Ферзена и Арбенева квартировали в Митаве, grenaderский полк Эмме - в Павловске и Гатчине, grenaderский полк Бенкендорфа - в Риге, егерский полк Сутгофа - в Сердоболе, grenaderские роты полка Седморацкого - в Новой Ладоге [17 с.10]..

Гrenaderский полк Жеребцова на момент начала концентрации корпуса находился в Вильно [18 с.23].

Кроме того, grenaderские батальоны Тимофеева, Осипова, Огарёва, Эриксона, один егерский батальон из полка Сутгофа ранее входили в корпус генерал-майора Эссена [12 л.3], и уже находились поблизости от места амбаркации (посадки на транспортные суда – прим.авт.). В этот же корпус входил и мушкетерский полк Седморацкого, который в мае месяце прибыл в Лифляндию и квартировал в м. Лоде между Ригой и Ревелем [19 с.175]. Причём полк, равно как и grenaderский полк Жеребцова, во второй половине июля находился на марше в Санкт-Петербург, однако оба полка были возвращены и направлены в Ревель [19 с.176].

Кроме того, полки Ферзена, Арбенева, Бенкендорфа, Эмме, Сутгофа (1 бат.), батальоны Митюшина и Штрика ранее входили в состав корпуса, предназначенного для похода в Европу и которым командовал генерал-лейтенант Герман [20 с.369].

Данное обстоятельство серьёзно подрывает утверждение адмирала П.В. Чичагова, распространённое в исторической литературе, что Герман был генерал «солдатам неизвестный» [9 с.39].

Отдельно следует упомянуть и командный состав русского корпуса. Всего в корпусе, на начало кампании, числились два генерал-лейтенанта - Иван Иванович Герман фон Ферзен - командир корпуса и Михаил Алексеевич Жеребцов - командир второй дивизии корпуса, пять генерал-майоров: Иван Николаевич Эссен - командир первой дивизии корпуса, Александр Карлович Седморацкий, Иван Ефимович Сутгоф, Иоасаф Иевлевич Арбенев, Пётр Михайлович Капцевич.

Характеризуя российский генералитет, отметим, что почти все направленные в поход генералы имели боевой опыт.

Так, из четырёх генерал-майоров Эссен участвовал в двух компаниях, Седморацкий, Сутгоф и Арбенев воевали во время Русско-шведской войны 1788 - 1790 годов. Жеребцов с 1790 года командовал Фанагорийским гренадерским полком, с которым участвовал в Польской компании 1794 года. Генералы Арбенев и Эссен были награждены Орденами Святого Георгия 4-го класса, а генерал Жеребцов Орденом Святого Георгия 3-го класса. Капцевич, командовавший артиллерией корпуса, хотя и не участвовал в компаниях, но за знания и усердие в службе, а он начинал службу в 1792 г. в гатчинской артиллерии поручиком, пользовался особым расположением императора Павла I, являясь шефом гвардейского артиллерийского батальона.

Немалым боевым опытом обладали и штаб- и обер-офицеры корпуса. Вот данные только о некоторых из них. Командир гренадерского полка Жеребцова И.В. Языков в свои 33 года уже отличился при взятии Измаила, где был ранен в правую руку, имел Одобрительный лист с изволением монаршего благоволения, сражался при Мичино, Хельмом, Слонимом, Варшавой [21 л.7]. Капитан гренадерского полка Бенкендорфа Капустин И.Ф. 36 лет от рождения награждён золотым крестом за штурм Очакова, воевал в кампаниях 1789 и 1791 гг. в Молдавии [22 л.5]. Капитан мушкетерского полка Седморацкого Маривирд П.И. (40 лет) компании 1774, 1776, 1777 гг. Упреждение через Кубанскую степь Крымского хана, в 1783 г. в Крымском полуострове при обретении оного под скипетр Российский, кампании 1788 г., 1789 и 1790 гг. в Финляндии [23 л.58].

В корпусе отправился на войну волонтёром и ротмистр князь Н.Г. Репнин-Волконский, будущий герой самоубийственной и героической атаки Кавалергардского полка в битве при Аустерлице 2 декабря 1805г. За храбрость в бою под Бергеном он будет произведён в подполковники.

Возвращаясь к структуре корпуса отметим, что пехотные дивизии постоянного состава появились в Российской империи только в 1806 г., так что способ формирования корпуса был вполне традиционный для рассматриваемого времени, так же были сформированы и русские части, которые будут сражаться в Италии и Швейцарии.

Помимо состава корпуса, другим объектом критики является перенос места сбора войск, который был произведён трижды [9 с.39].

Действительно первоначально предполагалась произвести посадку войск на корабли в портах Либавы и Риги одновременно [24 л.4 об., 2 л.4, 25 Р.109]. Данное решение, сообщённое письмами, как генералу Герману, так и, например, Вице-президенту Военной коллегии И.Ф. Ламбу, помеченными 2 и 4 июня 1799 г. соответственно [3 лл.2,4]. Однако оба порта были отменены и местом «собрания корпуса армии генерал-лейтенанта Германа» был определён Ревель 8 июня 1799 г. [3 л.8].

Таким образом, смена мест посадки корпуса на суда была произведена только один раз, да и разница в принятии решения менее недели, причём ещё даже до официального

заключения Конвенции, т.е. на ранней стадии подготовки корпуса к отправке.

Обратим внимание, что Адмиралтейств Коллегия получает указ о перевозе сухопутных войск и переоборудовании кораблей «по транспортному» 3 июня 1799 г. с местом назначения оных Рижский залив и с обозначением сборным местом всех морских и сухопутных сил – Ревель [26 с.139].

Наконец стоит отметить, что порт Ревеля, второй по значимости на Балтике после Санкт-Петербурга, объективно был более удобен, нежели порты Либавы и Риги. Таким образом, смена места концентрации и посадки войск на суда не могло оказать существенного отрицательного воздействия на ход подготовки экспедиции. При этом первые приказы о направлении войск в Ревель уйдут полкам и батальонам, равно как и в Рижское комиссариатское депо, уже 14 июня [12 лл.2-6].

До этого времени части двигались в Ригу, теперь же им предписывалось, прибыв в Ригу и получив провиант в местном депо, а также деньги на продовольствие и иные издержки в пути идти в Ревель «делая каждый марш не менее 25 вёрст, и разных через два марша» [12 л. 4 об.].

Для организации этого дальнейшего движения в Ригу был послан свиты Его Императорского величества по квартирмейстерской части майор Струков, который должен был предоставить командирам частей маршруты следования из Риги в Ревель [12 л.6 об.].

Кроме того, названный офицер должен был решать вопросы расквартирования войск, при этом предписывалось чтобы сами войска в город не входили, по причине недостатка в удобных квартирах, а только направлять команды для принятия продовольствия [12 л.6].

Получив продовольствие и маршрут частям надлежало «не мешкая» следовать к Ревелю. При этом приказом от 19 июня всем командирам полков и батальонов строго запрещалось «обременять население» реквизицией подвод для ускорения движения войск, поскольку и подводы и лошади должны быть в полках сколько «быть должно», следовательно нет необходимости брать их «от земли», разве только под больных и амуницию и то если нет возможности амуницию везти, то предписывалось самостоятельно «снести с Рижским комиссариатским Депо, чтобы для доставки оной в Ревель наняты были подводы» [12 л.7об.].

Параллельно с концентрацией войск приходилось решать вопросы и организации медицинской службы. Так генерал Герман просит скорее прислать в Ревель штаб-лекаря Шмидта, так как приписанный к корпусу доктор Бенкгаузен «способностей не имеет», а ещё у корпуса «нужды» в медикаментах для казённой аптеки, которую ещё нужно сформировать [12 л.8об.]. Однако до конца решить все проблемы с медицинским обеспечением войск, и прежде всего опытными врачами и служителями не удастся ни до, ни во время кампании.

Испрашивается и направление в Ревель инженер-капитана Гельмерсена для формирования штаба корпуса [12 л.9].

При этом войска торопят. Командирам полков и батальонов летят приказы ускорить марш. Если марш сдерживают обозы, то «оставлять тяжести при пристойной команде», равно как и «всех, кто неспособен к маршу или болеет в Риге, сообщив об этом военному коменданту или губернатору» [12 лл.9-10]. Одновременно с этим рижского

коменданта Булгакова просят оказать содействия, что если в Риге квартир для полков и батальонов корпуса не найдётся (ещё одна причина переноса места сбора корпуса), способствовать скорейшему маршу подразделений к Ревелю [12 л.10 об.].

26 июня устанавливаются сроки прибытия частей в Ревель в период с 10 по 13 июля [12 л.10.об-13]. Однако несмотря на все предпринятые меры в назначенные сроки укладываются далеко не все части. Так в указанный временной промежуток прибыли только батальон Огарёва (8 июля), полк Арбенева и батальон Осипова (10 июля), егерский полк Сутгофа и батальон Тимофеева (12 июля), полк Седморацкого, артиллерийская рота, батальон Штрика (13 июля) [24 лл.6 об.- 7]. Полк Ферзена подошёл 16 июля, полк Бенкендорфа и батальон Эрикссона 19 июля, полк Жеребцова и вторая артиллерийская рота 23 июля, а 26 июля полк Эмми и казаки [24 лл.7-7 об.].

При этом несмотря на быстрые марши пехота выдержала его достаточно хорошо. Так, Попхем докладывал английскому послу в Петербурге Витворту после смотра прибывшего в Ревель батальона Огарёва: «не видывал людей ни мужественнее, ни лучше одетых. В рассуждение того, что сии бедные люди шли около 500 верст скорым шагом..» [4 с.57].

Аналогичные смотры устраивались всем полкам и батальонам корпуса. Так, например генерал Герман докладывал императору после смотра полка Эмме, что «...нашёл людей здоровыми и почти неизнурёнными, хорошо выученных и содержанных, всем удовольствованных и хозяйство хорошо устроенное.» [27 с.23].

Вместе с этим, проблема комплектности полков действительно имела место. Пополнение и замену для больных, не могущих продолжать службу, просили у императора и командир корпуса и капитан Попхем [4 с.58]. Так по состоянию на 2-3 июля в корпусе недоставало 453 человека [18 с.23].

В итоге было принято решение исправить некомплект за счёт гарнизонных полков генерала от инfanterии графа А.Я. Кастро де Ла Серда, полковников Бесканова и Тайзена, которые должны были выделить 157, 219 и 77 человек соответственно [3 л.108 об.]. При этом особо указывалось, что должны в полках должны были «выбрать таковых людей с надлежащими службами и довольствии атtestатами» [3 л.110 об.]. Причём солдаты из полка де Кастро Лацерна (так в тексте – прим.авт.) шли на пополнение гренадерских полков Бенкендорфа и Жеребцова, а также егерского полка Сутгофа [3 л.176].

Примечательно, что вышеназванные полки, должны были своих «неспособных к полевой службе» оставлять в Ревеле в полку Кастро де Ла Серда, где солдаты пройдут освидетельствование на предмет пригодности к гарнизонной службе и зачислить оных в полк, а о всех прочих предписывалось сообщить в Военную коллегию для принятия решения о распределении их в Инвалидные роты.

Для полков, которые были на марше, специально определялись места, где они могли оставить своих неспособных солдат и получить пополнение. Так для полков Седморацкого и Арбенева в качестве такой точки был определён Пернов, где «донором» выступал полк Бесканова.

Причём это была далеко не последняя «дача» солдат со стороны гарнизонных полков на пополнение корпуса. 3 августа генерал-лейтенант Герман вновь пишет И.В. Ламбу, что вынужден оставить в Ревеле более 300 человек, кои «не в состоянии быть в море», а также в госпиталях разных числится ещё 262 человека. Некомплект предлагалось закрыть вновь за счёт местных гарнизонных соединений, полк Кастро де Ла Серда должен был дать 100, а полк Тайзена 200 человек, причём «без малейших потери

времени» [3 л.177 об.].

Данные солдаты не направлялись в полки, а сформировали, по сути, маршевую команду, которую передали под начальство генерал-майора Эмме, чтобы уже по прибытии к корпусу и распределять солдат по полкам и батальонам [3 л.177 об.].

Вышеуказанные «включения» в корпус солдат гарнизонных полков вызвали в конце концов жалобы командиров последних. Так генерал от инfanterии Кастро де Ла Серда рапортовал в Военную коллегию, что у него осталось не более 500 солдат, так как полк уже отдал 613 человек (456 и 157 человек соответственно) [3 л.183]. Также указывалось, что отдав лучших своих солдат в полках остались в основном поляки и «чухонцы», которые, «отваживаются побеги делать часто», в результате чего тот же Кастро де ла Серда просил со следующего набора прислать в полк русских рекрутов [18 лл.235-235 об.].

Однако, далеко не всегда солдаты, присланные в замену из гарнизонных полков, были скажем так «требуемого качества». Например, 20 июля генерал-лейтенант Герман отписывает полковнику Баталову, перновскому коменданту, что среди присланной им партии в 219 человек под командованием поручика фон Дитмара 29 были найдены «совершенно больными», а ещё 40 солдат были присланы из инвалидной команды и к службе были неспособны [12 с.32]. Итогом стал приказ немедленно доставить годных к службе солдат а также доложить, как такое, несмотря на все указания Военной коллегии, могло произойти.

Солдаты же корпуса, оставшиеся в госпиталях, включались в гарнизонные полки по выздоровлении и по решению Военной Коллегии. Вместе с этим, отметим, что далеко не всегда некомплект в частях был связан с маршевыми потерями. Так батальон Митюшина, квартировавший до этого на границах с Пруссией, уже на момент выступления, имел некомплект в 60 человек из-за побегов солдат за границу [12 л.17 об.].

Помимо поддержания комплекта корпуса в ходе подготовки к экспедиции неожиданно дала о себе знать и проблема полковых и батальонных обозов, а также обеспечения корпуса лошадьми.

Затрагивая данную тему нам стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. Согласно взятым на себя обязательствам британцы за свой собственный счёт должны были поставить в русский корпус и необходимое количество лошадей, как для артиллерии и обозов, так и для офицеров [1 с.434].

Согласно письма А.А. Аракчеева от 15 июня 1799 г. и приложенной к ней ведомости, корпусу генерал-лейтенанта Германа было положено лошадей 3994, а кавалерийских для гусар и казаков ещё 119. Итого 4113 лошадей. Данный документ стал ответом на запрос Вице-канцлера и вице-президента Коллегии иностранных дел графа В.П. Кочубея, в котором он просит, по требованию английского посла Витворта и капитана Попхема, предоставить ведомость «о нужном числе лошадей», согласно статьи шестой Конвенции. При этом фактически просятся две ведомости. Первая столько положено «по уставу» и вторая - сколько может быть лошадей исходя из того, что вышеизвестные британские джентльмены примечали «...что как лошади тамошние больше и сильнее тех кои наши при багажных употребляются, то верно числа оных может быть меньше положенных по штату» [3 л.28 об.]. Кстати вездесущий Попхем об этом «примечании» уже успел нашептать самому императору.

В свою очередь граф И.В. Ламб своим ответом от 15 июня 1799 г. на имя В.П. Кочубея фактически предоставил возможность самим англичанам судить, исходя из нужного числа повозок, «какую тамошними лошадьми вместо трёх двумя, или четырёх тремя вести можно будет» [28 л.6].

Вместе с этим, данный пример «союзнической заботы» весьма характерен как для британских дипломатов, так и для всей политики «туманного Альбиона» в целом. В ходе компании решить вопрос с необходимым количеством лошадей русскому командованию так и не удастся, что по влечёт за собой много неприятных последствий для солдат и офицеров корпуса.

При этом британский посол возможно, но бравый капитан, будучи профессиональным моряком, не мог не знать о проблемах, связанных с доставкой лошадей морем, поскольку для этого подходили только однопалубные суда со специальной вентиляцией, перевозившие уголь в Северном море. А их не было в достаточном количестве, так как шёл торговый сезон. При этом для отправки 300 – 400 лошадей необходимо было 20 000 тонн тоннажа, причём каждая четвёртая лошадь погибала в пути, а выжившие долгое время были неспособны к активному использованию. Лошадей не хватало не только для союзников, но и даже для самой британской армии.

В итоге уже во время кампании русский корпус испытывал недостаток в лошадях не только для артиллерии и обозов, но даже и для генералов. Так, в битве при Кастикуме русские генералы сражались пешком, а отсутствие конных адъютантов не позволило вовремя дать знать основным силам корпуса о необходимости поддержать отчаянно сражавшийся русский отряд генерала Седморацкого [14 с.78].

Перед первой битвой при Бергене британское командование выделило на русскую артиллерию по две лошади на орудие, что было совершенно недостаточно [8 с.183]. Уже во время сражения русским солдатам пришлось тянуть артиллерию по песчаной почве буквально на руках. В результате чего войска фактически остались без артиллерийской поддержки на протяжении всего сражения. Более того, из-за невозможности эвакуировать орудия, в ходе отступления было брошено 12 пушек.

Впрочем, в одном британцы оказались правы, английские лошади британской и фрисландской пород оказались крупнее российских. И поэтому конская сбруя, имевшаяся в распоряжении ездовых русского корпуса, на них не подходила, что создавало новые трудности с выделенными лошадьми [14 с.42].

Не менее сложная ситуация возникла и с обозами. Опять же капитан Попхем, отвечавший за отправку корпуса со стороны британского правительства, в своих докладах характеризовал «телеги», которые собирался погрузить на корабли генерал-лейтенант Герман как «убого сделанные скрепленные лишь гвоздями и даже без единой гайки» [4 с.58]. Не совсем понятно, что именно имелось ввиду, но совершенно очевидно, что спор возник из-за обоза. Однако командующему корпусом и британскому агенту удалось прийти к компромиссу, что по информации Попхема, солдаты возьмут только палатки и «наименее ветхие из телег» [4 с.58].

Конечно, обозные экипажи полков и батальонов нуждались в обновлении и ремонте, после столь длительных и быстрых маршей, но без сомнения они находились не в том состоянии, которое отразил в своих документах британский офицер.

Вместе с этим, 28 июня генерал-лейтенант Герман направляет генерал-адъютанту графу Х.А. Ливену ведомость, сколько состоит обоз по штату и сколько планируется взять с

собой в Голландию и просит утвердить её у Императора [12 л.13 об.]. 10 июля 1799 г. издаётся приказ с Ведомостью сколько обоза назначается полкам, батальонам и прочим частям корпуса [3 л.137].

В том числе, в grenадерских и мушкетерских полках:

- ящиков патронных – 10;
- ящиков палаточных для двух рот – 1;
- церковная фура;
- ящик с казною и письменными принадлежностями – 1;
- карет госпитальных -4;
- полуфурки экипажные – 30.

В егерском полку:

- ящиков патронных – 6;
- церковная фура;
- ящик с казною и письменными принадлежностями – 1;
- карет госпитальных -2;
- полуфурки экипажные – 6.

В сводно-grenадерском батальоне:

- ящиков патронных – 4;
- ящиков палаточных для двух рот – 2;
- церковная фура;
- полуфурки экипажные – 12.

При этом пионерная рота, гусарский эскадрон должны были взять обоз «сообразный их организации».

Отметим, что из предлагаемых для погрузки списка обоза указанного в письме на имя графа Ливена в итоге совсем были вычеркнуты к примеру зарядные ящики для полковой артиллерии и артиллерии сводно-grenадерских батальонов, партикулярный обоз офицеров, 4 из 5 палаточных ящиков и так далее. Таким образом, утверждения что русский корпус отправился без обозов не совсем верно, вернее, он останется без обозов во время эвакуации союзнических войск в октябре 1799 г. после капитуляции.

Британские союзники, в спешке грузившие русские войска, будут отказываться брать на борт обозное имущество, умышленно обрубать им оглобли, что будет делать их непригодными к использованию, а порою просто поджигать их на берегу [29 лл.5 об.,15,15 об.,19 об, 30 лл.3, 18,49].

Отметим, что вышеупомянутое резкое сокращение обоза стало возможным из-за вмешательство британского представителя капитана Попхэма, который считал, что эти «телеги» были совершенно бесполезны в Голландии [31 с.135].

При этом, как выяснится уже непосредственно во время операции, английская тыловая транспортная система не только не смогла, но и даже не была рассчитана на подобную нагрузку, связанную с обеспечением устойчивого снабжения столь крупного корпуса. Сам герцог Йоркский откровенно признавал, что обоз «до сих пор непригоден для службы в армии» [32 л.5 об.].

Кроме того, заверения британской стороны, о наличии возможности снабжения всем необходимым русского корпуса за счёт английских возможностей привели к тому, что корпус отправился в поход без необходимого количества палаток и тёплых вещей, а отсутствие госпитальных фур привело к тому, что эвакуация раненых и больных производилась в неприспособленных для этого повозках. Более того, при отступлении в местечке Эгмонт из-за отсутствия лошадей и повозок корпусу пришлось оставить 216 тяжелораненых.

При этом именно по распоряжению того же Попхэма в Ревеле оставили и большую часть медицинского оборудования, в том числе практически все аптечные фуры и фуры для инструментов (на весь корпус было предусмотрено всего 30 госпитальных фур – прим.авт.), и всё на тех же условиях – всё будет предоставлено английской стороной [31 с.137].

В целом же, несмотря на сжатые сроки, на необходимость координации работы различных ведомств как собственно российских, так и английской военной миссии, российской стороне удалось снарядить и отправить в поход корпус в целом хорошо укомплектованный и снаряжённый максимально возможным образом сообразно обстоятельствам, в том числе и исходя из наличия места на кораблях, для транспортировки снаряжения.

В его состав вошли полки и батальоны, имевшие значительный военный опыт и высокий моральный дух, стойкие к перенесению тягот дальних походов, возглавляемые опытными, хорошо известными им командирами.

При этом многие проблемы организационного характера происходили прежде всего из-за чрезмерной и порою не совсем в духе «союзнических отношений» активности английской стороны, которая в ряде случаев, шла на сознательный подлог, а проще говоря обманывала своих русских партнёров, в целях выполнения только одной задачи – как можно скорее отправить русские войска к берегам Голландии.

Библиография

1. Мартенс Ф.Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Том IX (Х). Трактаты с Англией. С. Петербург Типография Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), Фонтанка, 117, 1892, 563 с.
2. Назаренко К.Б. Смирнова М.А. Большая политика и мировая торговля (Голландская экспедиция 1799 г.) // Сборник материалов Третьей международной научной конференции / редактор-составитель А.И. Раздорский/ СПб. 2015 С. 348-354.
3. РГВИА Ф.42 Оп.1 Д.12.
4. Куницын А.А. "Ну, хорошо, раз вы этого хотите, но я не вполне с этим согласен". Миссии английского капитана Х. Р. Попхэма в Россию в 1799–1800 гг. // Локус. Люди, общество, культуры, смыслы: научный журнал. – Москва : МПГУ 2019. № 1. С. 52-67.
5. РГВИА Ф.29. Оп.153 Св.2 Д.23 Ч.3.
6. Михайловский-Данилевский А.И., Милютин Д.А. История войны России с Францией в

- царствование Императора Павла I в 1799 году: Том I Тип. штаба военно-учебных заведений СПб. 1852 697 с.
7. РГВИА Ф.29 Оп.1536 Св.2 Д.36.
8. Керновский А. А. История русской армии в 4 томах. Т. 1 От Нарвы до Парижа 1700–1814 гг.. – М.: Голос, 1992. – 304 с., ил.
9. Егоров А. Конфуз союзного войска: секретная экспедиция русских к голландским берегам // Родина. 1996. № 6. С. 37-42.
10. ПСЗРИ 17.640 Собрание Первое. Том XLIII. Часть 1. Книга штатов. Отделение первое «Царствование государя императора Павла I». СПб. 1830 г. 865 с.
11. РГВИА Ф.29 Оп.1536, Св.3 Д.40.
12. РГВИА Ф.29 Оп.1536 Св.2 Д.28.
13. Рогулин Н.Г. Русские войска в Голландии в 1799 г.: обзор иконографии. Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета Выпуск № 17. 2014 С. 108-138.
14. Милютин Д. А. История войны России с Франциею в царствование императора Павла I в 1799 году Т. V. СПб. , 1853. 536 с.
15. Грязев Н.А. Мой журнал /Подготовка текста К.Г. Правдина, С.И. Григорьева под редакцией А.К. Тупачского; вводная статья А.Н. Лукирского – СПб.:Наука, 2019. – 262 с.
16. Walsh E. A Narrative of the Expedition to Holland in the autumn of the year 1799 Illustrated with a map of north Holland and Seven Views. London: G.G and J. Robinson, Pater-Noster, S. Hanson, 1800. 164 р.
17. Рогулин Н.Г. Англо-русская экспедиция в Голландию в 1799 г. в произведениях изобразительного искусства. СПБ., 2014. 274 с.
18. Шавров Краткая история 11-го Гренадерского Фанагорийского Генералиссимуса князя Суворова полка. 1790–1890. Составил для Гренадер-Суворовцев Капитан Шавров. Москва. Тип. Т.И. Гаген. 1890 г. 152 с.
19. Мережевский Э. М. История 13-го пехотного Белозерского Генерал-фельдмаршала Графа Ласси полка (1708–1893 г.) С приложением краткой биографии Ген. – Фельд. Гр. Ласси Варшава 1894-IV, 590 с.; 4 л. план., портр.
20. Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Изд. Второе Т. III. СПб. , 1857. 502 с.
21. РГВИА Ф.489 Оп.1 Д.1252.
22. РГВИА Ф.489 Оп.1 Д.1241.
23. РГВИА Ф.489 Оп.1 Д.1324.
24. Архив СПБИИ РАН Ф. 36 Оп.1 Д.213.
25. Fitzpatrick W. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue Esq., preserved at Dropmore, Historical Manuscripts Commission, vol. V. – London: HMSO, 1906.418 р.
26. Гребенщикова Г.А. Секретные экспедиции Балтийского флота.. Клио, N. 5 (101) /2015: N. 5 (101) /2015 Санкт-Петербург 2015 С. 130-143.
27. Воронов П. История Лейб-гвардии Павловского полка. 1790–1890 гг. СПб., 1890. – 424, 66, 6, IV с.
28. РГАДА Ф.20 Д.380.
29. РГВИА Ф.29 Оп.1536, Св.2 Д.19. Ч.1.
30. РГВИА Ф.29 Оп.1536, Св.5 Д.19. Ч.2.
31. Куницын А.А. «...В каком бедственном положении я нахожусь из-за отсутствия медицинского персонала...». Медицинское обеспечение Российского экспедиционного корпуса в Британии в 1799–1800 гг. Локус. Люди, общество, культуры, смыслы: научный журнал. – Москва : МПГУ 2024. Т.15. № 2 С. 134-145.
32. РГВИА Фонд ВУА (846) Д.2869 Ч. 1.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Военная история России богата славными победами, вписанными золотыми буквами: Куликово поле, Бородино, Тарутино и Малоярославец, Сталинград и взятие Берлина. Не раз русские войска приходили на помощь дружественным силам, нередко приезжая для решения насущных задач за тысячи километров от родного дома. К сожалению, отдельные эпизоды почти забыты: так, только относительно недавно масштабно раскрыта деятельность русских бригад во Франции и на Балканах в годы Первой мировой войны. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является организация и состав состав русского вспомогательного корпуса генерал-лейтенанта И.И. Германа фон Ферзена в 1799 г. Автор ставит своими задачами проанализировать международную обстановку в Европе на 1799 г., обозначить основные организационные вопросы по формированию и комплектования русского корпуса.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановкой темы: автор стремится охарактеризовать организацию, комплектование и состав русского корпуса, направляемого в Голландию. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена как документами из фондов Российского государственного военно-исторического архива и Санкт-Петербургского института истории РАН, а также опубликованными документами. Из используемых исследований укажем на труды таких классиков русской военной истории как Д.А. Милютин и А.А. Керновский, а также работы современных авторов: Н.Г. Рогулина, А.А. Куницына, А. Егорова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории русского экспедиционного корпуса в Голландии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей русской армии, в целом, так и русским экспедиционным корпусом в Голландию в 1799 г. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "русская экспедиция в Голландию до настоящего времени остается в отечественной исторической науке темой малоизученной". Автор

обращает внимание на то, что "решение о включения тех или иных подразделений в корпус принималось исходя из места их текущего расположения и способности относительно быстро достичь места посадки на корабли". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, "согласно взятым на себя обязательствам британцы за свой собственный счёт должны были поставить в русский корпус и необходимое количество лошадей, как для артиллерии и обозов, так и для офицеров", однако в действительности лошадей "не хватало не только для союзников, но и даже для самой британской армии".

Главным выводом статьи является то, что

"несмотря на сжатые сроки, на необходимость координации работы различных ведомств как собственно российских, так и английской военной миссии, российской стороне удалось снарядить и отправить в поход корпус в целом хорошо укомплектованный и снаряжённый максимально возможным образом сообразно обстоятельствам, в том числе и исходя из наличия места на кораблях, для транспортировки снаряжения".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".